Статьи. Теория

Теодор Шанин

Об этнографической социологии Джеймса Скотта

Статья является кратким обзором важнейших вех творческой биографии Дж. Скотта. Дается общая оценка его вклада в современные социальные и гуманитарные исследования, проводится разбор основных работ («Моральная экономика крестьянина», «Оружие слабых», «Господство и искусство сопротивления»), посвященных анализу моральной экономики крестьян Юго-Восточной Азии — моделей поведения «слабых» перед лицом власти, совмещающих формальное подчинение с практическим уклонением от предписаний властей. Особое внимание уделено переведенной на русский язык книге «Благими намерениями государства», посвященной критике модернистских стратегий развития «отсталых» с точки зрения государства территорий.

Ключевые слова: Дж Скотт, государство, Юго-Восточная Азия, моральная экономика.

Дж. Скотт определенно принадлежит к академической элите англосаксонских обществоведов, но в то же время часто выглядит на их фоне «белой вороной». Дело здесь не в наигранной эксцентричности, любезной многим людям этого круга. Скотт стал таким, просто оставаясь самим собой. Из офиса профессора политических наук в Йельском университете — поставщике президентов США — он отбывал прямо на свою ферму в отдаленном селе, где соседи знают и уважают его в основном как искусного овцевода

Теодор Шанин — историк-крестьяновед, профессор социологии Манчестерского университета, один из организаторов, первый ректор РАНХиГС (с 2007) президент Московской высшей школы социальных и экономических наук.

В несколько измененном виде этот текст Теодора Шанина был предпослан российскому переводу книги Дж. Скотта «Благими намерениями государства» (“Seeing like a State”).

и отличного парня. На том этапе жизни, когда преуспевающие ученые оседают в комфорте кабинетов и комитетов, он чередовал свою академическую деятельность с продолжительными периодами «работы в поле», которым для него стала Юго-Восточная Азия. Там он осваивал новые языки и непривычные условия природы и быта, а главное — вживался в повседневные условия существования местных жителей и сообществ. Результаты его полевых исследований, которые в «западной» дисциплинарной традиции могли считаться антропологическими (а в российском случае — этнографическими), всякий раз становились чем-то гораздо большим, нежели доскональным описанием небольшого сообщества. Содержащиеся в них оригинальная концептуализация и анализ проливали свет на разнообразные аспекты человеческих и общественных отношений, часто открывая новое в их основах. Более того, эти работы характеризовала все возрастающая значимость.

Для англосаксонских гуманитарных наук каждая из книг Скотта была событием, с влиянием, идеями и новыми понятиями, распространяющимися далеко за рамки академического сообщества. Эти книги отличают, по меньшей мере, пять общих черт. Во-первых, исчерпывающие данные в них, полученные прямым или косвенным путем, связаны с внушительными концептуальными и аналитическими изысканиями. Во-вторых, даже сложные аналитические построения изложены просто, выражены и закреплены посредством мощных ярких образов и понятий. В-третьих (и в продолжение предыдущего), в этих работах присутствует особое эстетическое измерение, соединяющее аналитическое и художественное в них. Это нашло свое выражение в том, что Зигмунт Бауман назвал особой живостью (vibrance) стиля Скотта[1]. Эти работы демонстрируют преемственность в развитии общей центральной темы — сложной взаимозависимости динамики социальной жизни и разнообразных смыслов, выраженных в ней. Наконец, каждая из книг выходила в свет только тогда, когда автору было что сказать действительно нового.

Что до их общего содержания, то работы Скотта олицетворяют высочайший уровень современного расцвета того феномена, который часто называют «качественной» методологией. Главная граница между социальными исследователями, их дисциплинами, методами и традициями пролегает между теми, кто стремится к познанию путем квантификации, математизации и связанных с ними процедур, и теми, кто старается продвинуть вперед понимание человеческих обществ путем их систематической типизации, основанной преимущественно на «качественной» или «интерпре-

1 Bauman Z. How the Defeated... // Times Literary Supplement. 11.01.1991.

тативной» методологии. В этом случае процесс познания фокусируется на осознании смыслов и на развитии понятий, которые становятся новыми базовыми инструментами и исходными эталонами общественного анализа, как, например, «моральная экономика», «сила слабых», «искусство сопротивления», «метис» (metis)[1]. Само собой разумеется, что два этих подхода не исключают, а дополняют друг друга. Не являются они и простыми «этапами» в деле добывания знаний (где «качественное» исследование — это не что иное, как «пока что» недоразвитое «количественное»). По крайней мере отчасти они обращаются к разным вопросам, отбирают данные разных типов, базируются на них, задают разные параметры вывода. В случае Скотта все это окрашено фундаментальным гуманизмом содержания и методов, равно как и критическим видением общества и способов его самовосприятия.

Книгой, которая впервые сделала Скотта широко известным, и дает хорошее представление о его персональном стиле, стала «Моральная экономика крестьянина»[2]. В ней непосредственные знания о крестьянских семьях и сообществах Юго-Восточной Азии были соединены с анализом социальных экономик выживания в целом и особой для них системы этики, отражающих, определяющих и структурирующих их повседневную жизнь. В этой книге автор не придерживается границ какой-либо одной дисциплины и ее частного языка, но использует социологию, антропологию, социальную психологию, политическую науку, экономику и историю. Соответственно, в ней введены в оборот понятия и термины, взятые у различных ученых и дисциплин, часто примененные по-новому. Так, само название книги было заимствовано из исследования «моральной экономики» нарождающегося рабочего класса Великобритании XVIII–XIX вв., осуществленного И. П. Томпсоном[3]; анализ рыночных отношений, дисциплинирующих и реструктурирующих посредством голода и страха перед безработицей, отсылает к работе К. Поланьи, и т. д. Выявлены предпосылки крестьянских бунтов и восстаний путем анализа «того, что вызывает их гнев» из-за нарушения общинных норм взаимообмена и осо-

1 Разделение проходит здесь между обществоведами (и «человековедами»), особо интересующимися субъективными и интерсубъективными смыслами в определении причин человеческого поведения, и теми, кто фокусирует внимание на «объективных», т. е. вне-смысловых его факторах.

2 Scott J. C. Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976.

3 Tompson E. P. The Making of the English Working Class. L.: Penguin, 1991; Polany K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon press, 1957.

знаваемого крестьянами универсального права на пропитание. Что касается видения сельских жителей, то книга бросала вызов как романтизированным пасторальным описаниям сельских сообществ, так и вульгарному марксизму, рассматривающему крестьян как мелкобуржуазных конформистов (и как антитезис абстрактно-утопического пролетариата, безусловно революционного «по своей сути»). Место мелкобуржуазных, отсталых или просто тупых крестьян занимает эмпирически обоснованный и куда более правдоподобный образ «стоящего по шею в воде», но стратегически мыслящего о себе и о своей жизни человеческого существа, которого и природный катаклизм, и государственная политика, и местные начальники могут потопить в любой момент. Книга рассматривала ценностную систему взаимопомощи и приличий, которая возникает в подобных обществах и поддерживает их, а именно — социальную экономику и этику повседневного выживания их членов. В заключение делался вывод о том, когда и по поводу чего крестьяне восстают.

Следующая книга Скотта «Оружие слабых» конкретизировала и развивала идеи «моральной экономики»[1]. Поговорка крестьян Центральной Америки — «подчиняюсь, но не повинуюсь» является ключевой для моделей поведения в предельно реалистическом мышлении «слабых» перед лицом «власти». Это классические ситуации «столкновения непреодолимой силы с неподвижным объектом», рассмотренные с позиций более слабой стороны этого уравнения. Непрерывное сопротивление крестьян эксплуатации принимает различные формы в зависимости от ситуации. Только в крайнем случае оно выливается в открытый бунт, за который приходится платить необыкновенно высокую человеческую цену. Гораздо чаще это ежедневные попытки ограничить и «повернуть вспять» репрессивную власть посредством избегания, саботажа, мелких краж, притворной забывчивости или «тупости», высмеивания чужаков и т. д., формирующие фактуру крестьянского ежедневного сопротивления. Каждый крестьянин учится этому с детства и как форме сопротивления, и как способу сохранить самоуважение перед лицом сокрушительных, эксплуататорских и, как правило, безжалостных сил. Чтобы увидеть такие обычно скрытые поведенческие модели, Скотт скрупулезно проанализировал язык и содержание крестьянской речи, а также реальное поведение, часто спрятанное за фасадом демонстративных ритуалов подчинения власть имущим «силам порядка».

1 Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.

В своей очередной книге «Господство и искусство сопротивления» Скотт развил представление об изучаемых обществах через более полное описание противоположной стороны по отношению к «слабым» и ее орудий социального контроля[1]. В вопросах реального существования «подчиненных групп» их зависимость играет не менее важную роль, чем бедность. Однако это не игра в одни ворота. Слабые не просто бессильны, а находятся в непрерывной конфронтации, те, кто правят, одерживают победу, но редко когда полную. В книге исследованы реальные формы господства, проведены их детальная категоризация и анализ. Здесь особо важны обычно невидимые для посторонних глаз сообщения, курсирующие между вовлеченными в них социальными группами. Показано, как действуют социальные структуры реальной власти, выходящие за рамки законодательных норм (и «официальной истории»). Понимание и анализ этого необходимы, чтобы обнаружить реальные контуры и процессы социального господства.

Скотт рассматривает общество как греческий театр, где социальные страты и индивиды взаимодействуют и противодействуют, часто прячась за «масками», присущими ритуалам и культуре и играющими главенствующую роль в функционировании обществ.

При этом непрерывная конфронтация, как правило, не подразумевает попыток «уничтожить» противоположную «сторону». Скорее, это признание всеми «актерами» переплетения и множественности политических конфигураций, реальный плюрализм существования. Тонкий анализ отношений и дискурсов «актеров» помогает также обнаружить области их возможной автономии и способности к сопротивлению, культурные и социальные «базы вне» области контроля существующих властей. Восстание, когда и если оно происходит, — это взрыв открытого неповиновения, в ходе которого тайные смыслы послания, уже существующие в обществе, проступают на поверхности. Их содержание, укорененное в символах, смыслах и системах ценностей, а не просто бедность, определяют формы и результаты схватки. Восстание «говорит в полный голос о том, о чем на протяжении многих лет шептались». Вот что объясняет восторг и эмоциональный подъем части участников этих событий, как и неспособность это предвидеть, услышать и признать другими, теми, кто существует вне интерсубъективности такого происшествия как «киевский майдан» и схожих происшествий современности городов и сел.

«Благими намерениями государства» — книга, в которой Скотт опубликовал свои исследования так называемых стратегий разви-

1 Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.

тия современного государства[1]. Их ядром являются идеологии «высокого модернизма» при склонности к менеджериальному упрощению решений и деперсонализации его «объектов». Усиливающаяся бюрократизация, гасящая на корню спонтанные проявления социальной жизни и то, что осталось от так называемого гражданского общества, заменяет прямое познание статистическими и компьютеризованными образами, чаще всего с предопределенными выводами. Проходит зачистка тех аспектов социального реализма, которые не укладываются в модели «прогресса» и академической экономики. Немногие подвергают сомнению тот факт, что социальные условия изменяются или что экономическая жизнь важна людям, но два последующих вопроса очень часто выпадают из поля зрения. Во-первых, что упускается из виду, когда используются упрощенные модели, и насколько этим искажается наше понимание реальности? Во-вторых, и в прямое продолжение предыдущего, каковы корни повторяющихся ошибок и провалов современных «реформ» и «программ развития»?

В книге «Благими намерениями государства» анализируются конкретные случаи вытекающих из идеологии высокого модернизма бедствий, которые формируют мировоззрение современных государственных бюрократий. Объясняется также воздействие такого видения общества, тех шор, которые оно систематически создает. В заключении рассматриваются некоторые способы защиты от этих ошибок путем осмысления и анализа непосредственного опыта и практического человеческого знания. Понятие метиса, заимствованное Скоттом у древних греков, определило правила минимизации вреда, который наносят идеологии и программы «высокого модернизма». Эти правила включают такие простейшие, но действенные элементы, как движение маленькими шагами (так как невозможно предвидеть все последствия «программы»), скидки на неожиданное, на человеческую изобретательность (которую нельзя «спланировать» для будущего) и т. д. Само понятие трехтысячелетней давности дает интересное представление о возможностях реконструкции прошлого опыта и мысли без мультипликации неологизмов.

Значение для России работ Скотта в целом и его последней книги, в частности, велико. Это верно в отношении социальных, экономических, педагогических и этических детерминант выживания

1 Scott J. C. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. Перевод введения и заключения к книге см. в: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России/Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002.

людей и дистанции между «официальной историей» и действительностью; между «приказами сверху» и их результатами; между масками, которые носят люди-«актеры», и реальностью. В жизни России особо важны «скрытые послания», изучаемые автором в его книге о господстве и искусстве сопротивления. Самому Скотту были всегда глубоко интересны российские история и культура, и их влияние на него просматривается отчетливо. Хотя Россия никогда не была для Скотта предметом специального исследования, он определенно принимал во внимание ее опыт, и многое из того, что он писал, звучит так, как если бы он описывал развитие российского общества: его конфликты и проблемы, его политические маски и рычаги контроля, его сельские структуры власти, сверхгосударства и повседневную жизнь. Рассказ переломного периода «Рычаги», символизировавший и выражавший устремления, надежды и неудачи хрущевской эры, как будто бы написан самим Скоттом[1].

Не менее значимыми в долгосрочной перспективе для российских социальных наук могут оказаться некоторые более общие эпистемологические вопросы, поставленные Скоттом. Пока советский академический истеблишмент официально оставался строго «марксистским», такие вопросы обсуждались только в предельно узких рамках очень выборочной интерпретации Маркса. Реально это выражалось в специфическом дуализме. С одной стороны, была абстрактная теория в гегельянском стиле и дедуктивная логика с ее собственным языком и абстрактными выводами, обязательными для всех. С другой стороны, допускались и развивались позитивистские узко эмпирические интерпретации, в которых статистические выкладки и их упрощенные описания занимали место полноценно развитых социальных наук и, в частности, «теорий среднего уровня», способных обоюдосторонне связать теоретическую работу с эмпирическим исследованием. Когда период принудительного «марксизма» закончился, российские исследователи устремились во вновь дозволенные области и формы анализа. Но эпистемологический и методологический багаж привычек мышления, создававшийся поколениями, невозможно просто оставить за бортом. Легко увидеть, что и теперь, когда марксистской терминологии часто избегают, многие базовые модели советских социальных наук в России остаются в ходу. Это особенно справедливо в отношении комбинации абстрактного теоретизирования и позитивистского собирания данных при отсутствии аналитической увязки обоих.

Работа Скотта может научить определенным альтернативам критических исследований общества. В частности, она преподает урок значимости аналитической и концептуальной работы на уровне,

1 Яшин А. Я. Рычаги // Литературная Москва. 1956. № 2.

связывающем полевые данные и сравнительный анализ с теоретизированием «среднего уровня». Что касается самой темы книги Скотта «Благими намерениями государства», то она высвечивает и объясняет органическую слабость государственной политики и реформ, смещенных в сторону высокого модернизма и часто ослепленных тем, что автор назвал «государственным видением». Его рассуждения по поводу возможных способов их «лечения», которые заложены в древнегреческой идее метиса, могут также оказаться весьма полезными. Это особенно справедливо, как только мы переходим от расплывчатости жаргона политиков и журналистов к повседневной жизни простых людей и к осмыслению тех результатов, которые были так точно схвачены оговоркой, ставшей впоследствии поговоркой в современной России, о том, что «хотели как лучше, но получилось как всегда».

Библиография

1. *Bauman Z. How the Defeated... // Times Literary Supplement. 11.01.1991.*
2. *Polany K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon press, 1957.*
3. *Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.*
4. *Scott J. C. Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976.*
5. *Scott J. C. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.*
6. *Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.*
7. *Tompson E. P. The Making of the English Working Class. L.: Penguin, 1991.*
8. *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России/Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002.*
9. *Яшин А. Я. Рычаги // Литературная Москва. 1956. № 2.*